

КОНЧИНА

Смертельно заболев, государь стал втайне от думы готовиться к постригу. Свое намерение он открыл любимцу Шигоне-Поджогину. Такое решение таило в себе громадный политический риск. В случае выздоровления монарх не мог вернуться на трон как расстрига. Когда Василий III объявил свою последнюю волю думе, его брат князь Андрей Старицкий, боярин Воронцов и Шигона заявили о своем несогласии. Не добившись послушания от душеприказчиков, больной обратился к митрополиту Даниилу с мольбой: «Аще ли (бояре. — *Р.С.*) не дадут мене постричи, но на мертвого меня положи платие чернеческое, бе бо издавна желание мое». Митрополит пытался исполнить желание государя, но князь Андрей и Воронцов оттеснили его от ложа. Благочестивое намерение монарха поддержал один лишь М.Ю. Захарьин, в роду которого царил дух религиозного фанатизма.

Судить о военных заслугах Василия III трудно ввиду своеобразного обычая, утвердившегося в Москве. «Хотя этот государь Василий был очень несчастлив на войне, однако его подданные всегда хвалят его, как будто бы он вел дело с полным счастьем. И хотя иногда войны возвращались домой едва не половинном количестве, однако Московиты утверждают, что в сражении не потеряно было ни одного».

Иван III добился объединения русских земель в рамках единого государства. Но строй и облик этого государства окончательно определился лишь при его внуке Иване IV, получившем прозвище Грозный. Иван родился 25 августа 1530 г. Он потерял отца, когда ему было 3 года. Вокняжение Ивана IV и последовавшее затем боярское правление показали, что «золотой век» бояр не кончился ни при Василии III, ни при его наследнике.

Московский великий князь занемог осенью 1533 г. Во время охоты в окрестностях Волоколамска у него на левом стегне, на сгибе выскочила болячка с булавочную головку. В первых числах октября великий князь, будучи в Волоколамске, в большом изнеможении, пришел на пир, данный тверским дворецким Иваном Шигоной в его честь. Два дня спустя была превосходная погода, и великий князь послал за ловчими. Остановившись в селе Колпь, Василий послал к брату Андрею Ивановичу звать его на охоту и, когда тот приехал, отправился в поле с собаками, но ездил немного, не далее двух верст от села. Возвратившись с охоты в Колпь, обедал вместе с братом и тут в последний раз сидел за столом; с этих пор он ел мало и только в постели.

Видя усиление болезни, он послал за князем Михаилом Глинским и за двумя докторами Николаем и Феофилом. По совету князя Глинского лекари начали прикладывать к болячке пшеничную муку с пресным медом и лук печеный; от этого болячка начала рдеть и загниваться. Прожив две недели в Колпи, великий князь захотел возвратиться в Волок; на лошади ехать не мог, боярские дети и княжата несли его на руках. В Волоке великий князь велел прикладывать мазь; стало выходить много гною.

Тем временем великий князь послал сына боярского Мансурова и дьяка Меньшого Путятина тайно в Москву за духовной грамотой, которую написал перед отъездом в Новгород.

В Москве он не велел сообщать о своей болезни никому, ни митрополиту, ни боярам. Когда грамоты были привезены, Василий велел прочитать их себе тайно от братьев, бояр и от князя Глинского. После этого он велел сжечь свою духовную и принести старые духовные грамоты. Больной призвал Шигону-Поджогина и советовался с ним и с Путятиным, кого из бояр допустить в думу о духовной и «кому приказать свой государев приказ».

Во время охоты были с великим князем на Волоке князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, князь Михайло Львович Глинский да двое дворецких — князь Кубенский и Шигона.

Удельный князь Юрий Иванович поспешил в Волок, но великий князь скрывал от него свою болезнь и не хотел, чтоб он долго оставался в Волоке.

Между тем наступило ухудшение. Из болячки вышло гною больше таза, вышел стержень больше полуторы пяди. Великий князь обрадовался, думал, что получит облегчение от болезни. Начали прикладывать к болячке обыкновенную мазь, опухоль опала.

Когда приехал из Москвы боярин Михаил Захарьин, за которым посылали, то великий князь начал думать с боярами и дьяками, как ему ехать в Москву, и приговорил ехать с Волока через Иосифов монастырь.

В большой колымаге — «каптане» — была постлана постель и подле нее заначли место дети боярские, князь Курлятов-Оболенский и князь Палецкий-Стародубский. Они переворачивали больного со стороны на сторону, потому что сам он двигаться не мог.

Когда приехали в Иосифов монастырь, Курлятов и Палецкий взяли великого князя под руки и повели в церковь; здесь дьякон, начавши читать ектению за государя, не мог продолжать от слез.

Когда начали обедню, великий князь вышел и лег на одре на паперти, где и слушал службу. Переночевав в монастыре, Василий поехал в Москву, а брата Андрея отпустил в его удел. Решено было, что больной въедет в Москву тайно.

21 ноября великий князь приехал в подмосковное село Воробьево и пробыл здесь два дня, после чего он приказал наводить мост на Москве-реке под Воробьевым, против Новодевичьего монастыря, потому что река еще не крепко стала. На третий день началась переправа. Под тяжестью колымаги мост рухнул, дети боярские едва успели удержать каптан от падения в реку.

В столице Василий III приступил к составлению нового завещания. В назначенный день «приеде к великому князю брат его князь Андрей Иванович, и нача князь великий думати з бояры». Летопись дает точный перечень лиц, приглашенных для утверждения княжеского завещания. Обычно московские князья составляли духовную в присутствии 3–4 бояр. У грамоты Ивана III «сидели» трое бояр и казначей. Так же поступил и Василий III. Он пригласил, кроме брата Андрея, трех бояр: князя В.В. Шуйского, М.С. Воронцова и М. Юрьева-Захарьина — и казначея. К ним он присоединил тверского дворецкого Шигону и двух ближних дьяков. Главным на совещании во дворце был вопрос, как утвердить на троне малолетнего наследника Ивана и «как строитися царству после его», то есть после кончины великого князя.

Приглашенные к постели умирающего считались его душеприказчиками. На них возлагались функции опекунов при младенце-наследнике. Бояре настаивали на расширении опекунского совета.

Несмотря на все атрибуты неограниченной власти, монарх зависел от бояр, особенно в моменты передачи трона. Василий III сознавал эту зависимость и не стал противиться воле бояр. В Москве у постели больного произошел торг. Бояре соглашались выполнить волю государя, но настаивали на включении в число опекунов-душеприказчиков своих родственников. Василий III принял их условия. Круг опекунов расширился: Василий Шуйский добился назначения брата боярина Ивана Шуйского, а Михаил Юрьев-Захарьин — двоюродного дяди боярина Миха-

ила Тучкова. Царь поручил правление «немногим боярам», гласит псковское известие. Теперь мы можем точно определить их число. Василий III вверил дела особой боярской комиссии, возглавленной удельным князем. В нее входили некоторые ближние люди (например, сын боярский Иван Шигона), не имевшие высшего думного чина. Но главенствовали в комиссии семь лиц — князь Старицкий и шестеро бояр.

«Седьмочисленный» опекунский совет был, по существу, одной из комиссий Боярской думы. Назначение Шуйских определялось тем, что добрая половина членов думы (двое Шуйских, двое Горбатовых, Андрей Ростовский, дворецкий Иван Кубенский-Ярославский) представляла коренную суздальскую знать. Из старомосковских родов боярский чин имели трое Морозовых, Воронцов и Юрьев-Захарьин. Но они занимали низшее положение по сравнению с княжеской знатью.

По давней традиции великий князь, покидая Москву, оставлял «царствующий град» в ведении боярской комиссии. Возможно, московскую боярскую комиссию и опекунский совет 1533 г. можно рассматривать как своего рода предтечу Семибоярщины периода Смуты. Во второй половине XVI в. московская комиссия не менее десяти раз брала на себя управление «царствующим градом» в отсутствие государя. Численность ее колебалась. В шести случаях она насчитывала семь бояр, в других случаях — от трех до шести лиц.

Василий III не помышлял о том, чтобы уничтожить значение Боярской думы. Для последнего прощания он пригласил к себе князей Дмитрия Бельского с братьями, князей Шуйских с Горбатовыми и «всех бояр». Умиравший заклинал бояр: «Вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда». Отпустив думу, Василий III оставил у себя до глубокой ночи двух самых доверенных советников — Михаила Юрьева-Захарьина и Ивана Шигону, к которым присоединился Михаил Глинский. Им он отдал последние распоряжения, касавшиеся его семейных дел: «приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти, как к ней бояром ходити...»

После почти тридцати лет управления государством Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть. Современники недаром бранили великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками — «сам-третьей у постели», — без совета с Боярской думой. Последнее совещание у постели умирающего подтверждало основательность подобных обвинений. Как видно, великий князь рассчитывал сохранить сложившийся порядок вещей, учредив особый опекунский совет. Среди ближних людей даже Михаил Юрьев-Захарьин далеко уступал по знатности и официальному положению главным боярам думы. Что касается Ивана Шигоны, то он возвысился всецело по милости государя и не мог претендовать на высокий думный чин. Введя этих лиц в круг своих душеприказчиков, Василий III надеялся с их помощью оградить трон от покушений со стороны могущественной аристократии. Разделение Боярской думы на части и противопоставление «Семибоярщины» прочей думе должно было ограничить ее влияние на дела управления. Со временем «семибоярщина» выродилась в орган боярской олигархии. Но в момент своего учреждения она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить ослабление центральной власти. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение двенадцати лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

В нарушение традиции великий князь решил ввести в опекунский совет Михаила Глинского, который был чужеземцем в глазах природной русской знати и из двадцати лет, прожитых в России, тринадцать провел в тюрьме как государственный преступник. Решительность, опыт и энергия Глинского позволяли Василию III надеяться, что он обеспечит безопасность родной племянницы Елены Глинской. Убеждая советников, Василий III указывал на родство Глинского с великой княгиней, «что ему в родстве по жене его».

В летописях, составленных при дворе царя Ивана, можно прочесть, что Василий III вручил скипетр жене Елене Глинской, сердце которой было исполнено «великого царского ра-

зума», что и позволило ей стать правительницей государства при малолетнем наследнике. Официальная летопись наделяла Глинскую правами законной преемницы великого князя. Однако источники неофициального происхождения рисуют другую картину. Как сообщал псковский летописец, Василий III «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказа его беречи до пятнадцати лет своим боярам немногим».

«Немногие бояре» — это и есть регентский совет, назначенный Василием III. Перед самой кончиной монарх еще раз призвал всех членов совета и еще раз «приказывал» им о сыне и о правлении государством. Это второе совещание не имело того значения, какое имело первое, когда было составлено завещание. Под конец Василий отпустил всех, оставив при себе трех человек: Глинского, Захарьина и Шигону. Им он дал последние наставления насчет жены, «како ей без него быти и как к ней бояром ходити». Таким образом, процедура сношений между думой и вдовствующей великой княгиней была поставлена также под надзор опекунов.

Занимаясь «устроением земским», государь ни разу не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Тогда только Елену пустили наконец к постели умирающего. Рыдая, княгиня бросилась к мужу с вопросом о своей участи: «Государь! князь велики! На кого меня оставляешь и кому, государь, дети приказываешь?» Василий III отвечал кратко: «Благословил есми своего Ивана государством великим княжением, а тебе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отец наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням». Традиции, сложившиеся в роду Ивана Калиты, хорошо известны. Вдовы московских государей «по достоянию» получали вдовий прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами. Переписка между Василием III и Еленой Глинской показывает, что муж никог-

да не советовался с женой о своих делах. Перед кончиной он не позаботился посвятить ее в свои планы. Вековые обычаи не допускали участия женщин в делах правления.

Самодержавный режим не успел окрепнуть, и монарха терзали дурные предчувствия. Он страшился, что бояре, не забывшие его опал и тюремных «сидений», не пощадят его наследника и вдову. Завершив составление духовной, больной созвал Боярскую думу и подробно объяснил мотивы включения в число душеприказчиков Глинского. Он, как заявил государь, «человек к нам приезжей и вы бо того не молвили... держите его за здешнего уроженца, занеже он мне прямой слуга». Глинский нес ответственность за личную безопасность великокняжеской семьи. «А ты бы, князь Михайло Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену... кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал», — так князь закончил речь к думе.

Всякому значительному событию жизни соответствовал свой обряд. Василий III желал умереть в точности так, как умер его отец. Больной призвал к себе сына боярского Федора Кучецкого и велел ему стать подле постели, «потому что Федор видел преставление отца его, великого князя Ивана».

Отступление было допущено лишь в одном. Незадолго до смерти Василий III пришел к мысли о пострижении в монахи. Уже в дни охоты на Волоке великий князь говорил духовнику: «Смотрите, не положите меня в белом платье; хотя и выздоровлю — нужды нет, мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству».

В Москве больной пригласил митрополита Даниила и духовника своего протопопа Алексея и заговорил с ними «о пострижении, потому что давно была у него эта мысль; и платье с Волока велел взять с собою в дорогу готовое. В пути больной приказывал Шигоне и Путятину, чтоб не положили его в белом платье. Вслед за тем князь тайно приобщался и маслом соборовался». В субботу он соборовался уже явно; на другой день в воскресенье велел приготовить себе служебные дары. Когда дали знать, что их несут, встал с постели, опираясь на

боярина Михайлу Захарына. Когда вошел духовник с дарами, Василий приобшился со слезами.

Затем в хоромы были приглашены митрополит, братья Юрий и Андрей, все бояре, и умирающий обратился к ним с речью: «Приказываю своего сына, великого князя Ивана, Богу, Пречистой Богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу своему, Данилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой; а вы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стойте крепко в своем слове, на чем вы мне крест целовали, о земском строении и о ратных делах против недругов моего сына и своих стойте сообща, чтоб православных христиан рука была высока над бусурманством; а вы, бояре, боярские дети и княжата, как служили нам, так служите и сыну моему, Ивану, на недругов все будьте заодно, христианство от недругов берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно». Отпустивши братьев и митрополита, умирающий стал говорить боярам: «Знаете и сами, что государство наше ведется от великого князя Владимира киевского, мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре: так постойте, братья, крепко, чтоб сын мой учинился на государстве государем, чтоб была в земле правда и в вас розни никакой не было». Ожидая сопротивления думы, великий князь представил думе в качестве опекуна Михаила Глинского: «Человек он к вам приезжий; но вы не говорите, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, потому что он мне прямой слуга; будьте все сообща».

Свою речь умирающий закончил словами: «Видите сами, что я изнемог и к концу приблизился, а желание мое давно было постричься; постригите меня».

Приказ о пострижении вызвал спор в думе. Митрополит и боярин Михаил Юрьевич похвалили это намерение, но глава «семибоярщины» князь Андрей Иванович, Михаил Семенович Воронцов и Шигона стали возражать: «Князь великий Владимир киевский умер не в чернецах, а не сподобился ли праведного покоя? И иные великие князья не в чернецах преставились, а не с праведными ли обрели покой?»

Стараясь положить конец спорам, умирающий обратился к митрополиту: «Исповедал я тебе, отец, всю свою тайну, что хочу монашества; чего так долежать? Сподоби меня облещись в монашеский чин, постриги меня».

На словах митрополит одобрял намерение Василия, но без приказа думы не решался приступить к обряду: пострижения.

Пространный и достоверный рассказ летописца о последних днях монарха подтверждает представление о нем как слабом правителе. Великий князь имел в своем распоряжении военную силу. Но не использовал ее и не решился апеллировать к народу, зная о непопулярности греческой династии. Невзирая на многократные приказы и моления больного, бояре настояли на своем.

Последние слова умирающего были: «Так ли мне, господин митрополит, лежать?» Начал креститься и говорить: «Аллилуия, аллилуия, слава Тебе, Боже!» Говорил также слова из икосов. Конец его приближался, язык стал отниматься, но умирающий все просил пострижения, брал простыню и целовал ее.

За несколько дней до кончины Василий III произнес слова, свидетельствовавшие, что князь потерял надежду одолеть свою знать: «Если не дадут меня постричь, то на мертвого положите монашеское платье, потому что это давнее мое желание».

Наконец митрополит Даниил послал старца Михаила за монашеским платьем, но в дело опять вмешались опекуны. Князь Андрей Иванович и его боярин Воронцов воспротивились пострижению. Митрополит пригрозил князю Андрею: «Не будь на тебе нашего благословения ни в сей век, ни в будущей; хорош сосуд серебряный, а лучше позолоченный».

Великий князь скончался 3 декабря 1533 г. Обряд пострижения провели, видимо, над мертвым телом. Возле постели умершего стоял Шигона, который потом рассказывал, как дух вышел из покойного в виде тонкого облака.

Василий III имел основание опасаться интриг князя Юрия. Сразу после рождения наследника Ивана великий князь заключил особый договор с удельным князем Юрием: «А придет Божья воля, возьмет Бог меня, великого князя, а благословлю

сына своего Ивана своими великими княжствами, и тебе сына моего Ивана держати в мое место, своего господина и брата старейшего. А великих ти княжеств под ним, и под моею великою княгинею, и под нашими детьми блюсти, и не убедите, ни вступатися, ни подыскивати никакими делы, никоторою хитростью. А быти ти с моим сыном Иваном, и с моею великою княгинею, и с нашими детьми везде заедино.

А где аз, князь великий, сяду на коня сам или мой сын Иван, и тебе с нами поитти. А где тебя пошлем, и тебе поитти без послушания. А где пошлем своих воевод, и тебе с нашими воеводами послати своего воеводу с своими людьми».

Юрий нарушил договор, едва узнал о смертельной болезни брата. Он послал дьяка к князьям Андрею Шуйскому и Борису Горбатову с предложением перейти на службу в удел. Заговор не удался, оба князя поспешили во дворец с доносом. Князь Андрей был взят под стражу, а князь Юрий угодил в тюрьму, где и умер.